

Алексей ИСАЕВ

**АНТИ
СУВОРОВ**

Самые лживые мифы
о Великой Отечественной

ЯУЗА

Москва

2024

УДК 84(47+57)''1941/45''
ББК 63.3(2)622
И85

Исаев, Алексей Валерьевич.

И85 Анти-Суворов. Самые лживые мифы о Великой Отечественной / Алексей Исаев. — Москва : Яуза-пресс, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-9955-1114-4

Главный бестселлер ведущего военного историка. Авторитетное опровержение наиболее лживых мифов о Великой Отечественной войне, и в первую очередь самой скандальной гипотезы последних тридцати лет, согласно которой Сталин сам готовился напасть на Гитлера. Опровергая постулаты культового «Ледокола» и поймав его автора на откровенной лжи, эта книга в популярной форме также дает читателю базовые знания о принципах ведения боевых действий Второй мировой войны, боевого применения оружия и техники.

УДК 84(47+57)''1941/45''
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9955-1114-4

© Исаев А.В., 2023
© ООО «Яуза-пресс», 2024

ВВЕДЕНИЕ

А врать-то зачем?

«Простите меня. Если не готовы прощать, не читайте дальше этих строк, проклинайте меня и мою книгу — не читая. Так делают многие. Я замахнулся на самое святое, что есть у нашего народа, я замахнулся на единственную святыню, которая у народа осталась, — на память о Войне, о так называемой «великой отечественной войне». Это понятие я беру в кавычки и пишу с малой буквы. Простите меня...»

У меня пустая душа, а мозг переполнен номерами дивизий. Носить в мозгу такую книгу я долго не мог. Ее НАДО было написать. Но для этого надо было бежать из страны. Для этого надо было стать предателем...»

Эти слова Владимира Богдановича взяты из вступления к «Ледоколу». В. Суворов разрывает на себе одежды, посыпает голову пеплом, в каком-то экстазе называет себя предателем, негодяем и вообще нехорошим человеком, не пожалевшим даже собственного папу. Мол, не хотелось, но надо было. Надо было открыть миру правду, сорвать покровы и предъявить слегка ошарашенной мировой общественности истинных виновников развязывания Второй мировой войны. Даже предателем для этого пришлось стать.

Надо сказать, я не ставлю своей целью давать оценку поступкам английского публициста Владимира Богдано-

вича Резуна, пишущего под псевдонимом Виктор Суворов. Это, в конце концов, не мое дело. В этой книге я просто разберу труды Владимира Богдановича, их доказательную базу и уровень его книг в целом. Стоило ли ради них совершать все те поступки, о которых он так душераздирающе написал в предисловии к «Ледоколу». Начнем с главного, с методов исследования той технологии, которую Владимир Богданович использует для построения доказательств. В. Суворов с первых же страниц своего повествования утверждает, что опирается на открытые советские источники, которые каждый желающий может открыть и проверить справедливость «находок» публициста-новатора. Но многие ли из читателей «Ледокола» и «Дня М» бросились в библиотеку, чтобы сравнить приведенные цитаты с первоисточниками? Боюсь, что таких — единицы. Большинство поверили в честность цитирования и правильное понимание контекста цитаты.

В свое время один мой приятель зашел ко мне, чтобы посмотреть новинки моей библиотеки. Слово за слово, разговор повернул на В. Суворова и его эпохальные труды. Собственно, это было продолжение давнего спора, поэтому, чтобы не толочь воду в ступе, я подошел к полке, на которой стояли произведения Владимира Богдановича, и предложил другу выбрать наугад любую страницу любой из книг В. Суворова, утверждая, что найду на ней искажение фактов цитируемых мемуаров или книг. Он с сомнением полистал «Ледокол» 1992 г. издания и выбрал 202-ю страницу. Долго искать не пришлось: некоторые, мягко говоря, искажения, встретились сразу, в первом же абзаце. Владимир Богданович пишет: *«Полковник С. Ф. Хвалей (в то время заместитель командира 202-й моторизованной дивизии 12-го механизированного корпуса 8-й армии): «В ночь на 18 июня 1941 года наша дивизия ушла на полевые*

учения» (*На Северо-Западном фронте (1941–1943)*. С. 310). Тут же полковник говорит: «так получилось», что подразделения дивизии к началу войны оказались прямо за пограничными заставами, то есть в непосредственной близости от государственной границы». Вроде бы все ясно: дивизию выдвинули прямо к границе. Видимо, в процессе подготовки к нападению на Германию. Читатель получает очередное доказательство теории Владимира Богдановича. Читатель верит Владимиру Богдановичу на слово. Читатель не станет искать указанные мемуары и проверять цитату. А стоило бы. Дело в том, что на 310-й странице указанной книги написано следующее: «Случилось так, что дивизионы артполка в этот день, во время полевых учений, меняя огневые позиции, оказались в боевых порядках мотопехоты. И когда фашистские войска смяли пограничные заставы и части 125-й стрелковой дивизии и широкой лавиной двинулись на нашу дивизию, артиллеристы в упор расстреливали мотоциклистов, жгли танки». И все. 202-я дивизия не стояла за пограничниками. Немцы смяли погранзаставы, части 125-й сд и только потом столкнулись с 202-й дивизией. Более того, полковник ясно указывает рубеж развертывания дивизии: Кельме-Кражай. Читатель, не поленись взять карту и посмотреть, насколько это близко к границе. Стоило ли держать в голове номера дивизий, если не можешь даже правильно процитировать источник? Или, может быть, это не ошибка? Может быть, это сознательное искажение информации? Ведь большинство читателей не станут проверять автора. Большинство читателей просто не имеют для этого возможности. И читатель верит Владимиру Богдановичу на слово. А зря.

На этом игра в страницы не закончилась. Следующей была выбрана страница 232. И снова мы сталкиваемся с искажением фактов: «Итак, под прикрытием Сообщения

ТАСС военные командиры высших рангов во главе армий, и один даже во главе штаба фронта, тайно перебрасываются к германским границам, бросив на произвол судьбы (и НКВД) ВСЕ внутренние военные округа». Хотя по состоянию на 22.06.1941 стрелковые корпуса ОрВО, СибВО и дивизии АрхВО с места не тронулись. Значительная часть дивизий УрВО и ПриВО в вагоны еще не грузилась. В качестве примера Владимиром Богдановичем приводится: «19-я армия — это все войска и штабы Северо-Кавказского военного округа. Командующий округом генерал-лейтенант И. С. Конев объединил все войска своего округа в 19-ю армию, встал во главе этой армии и тайно двинулся на запад, бросив округ без всякого военного контроля» Сам Конев пишет об этом так: «Оставаясь командующим войсками Северо-Кавказского военного округа, я вступил в командование 19-й армией» (Записки командующего фронтом, М.: Голос, 2000. С. 36). В момент начала войны, 22 июня, Иван Степанович находился в Ростове-на-Дону, в штабе округа. (там же, с. 38–39). И опять читатель не станет проверять Владимира Богдановича.

В газетных статьях количество, скажем так, искажений действительности на единицу печатного текста у В. Суворова возрастает. Например, интервью Владимира Богдановича корреспонденту газеты «Московский комсомолец» М. Дейчу 29 апреля 2000 года. Цитирую: «Сколько у нас было армий к июню 1941 года? Цифры нет. Сколько было механизированных корпусов? Написано: «несколько». Сколько воздушно-десантных корпусов? Непонятно. Нет даже точных сведений о том, сколько было военных округов и кто ими командовал». Все эти цифры на 1 июня 1941 г. приведены в третьем томе 12-томника «История Второй мировой войны» издания 70-х годов, указанном в библиографии «Ледокола». А сведения о командующих

военными округами можно почерпнуть из «Советской Военной Энциклопедии», тоже, как ни странно, входящей в библиографию книг В. Суворова. Видимо, переполнившие мозг Владимира Богдановича номера дивизий и армий смешались в однородную неудобоваримую кашу. Если не читать книги даже из библиографии своих собственных произведений, то, конечно, приходится говорить: «Я искал. Это был утомительный, нудный поиск». Сразу вспоминается басня про мартышку и очки. Дальше нашего Остапа понесло: «*Сталин готовится к наступлению. 63 танковые дивизии — и при этом ни одного саперного батальона!*» Здесь Владимир Богданович, мягко говоря, дал маху. Инженерные части, разумеется, присутствовали в РККА 22.06.1941. Если В. Суворова интересуют именно саперные батальоны, то их было 20 отдельных и по одному в каждой стрелковой дивизии. Скажем, в стрелковой дивизии, в которой служил отец нашего героя, Богдан Васильевич Резун, 140-й стрелковой дивизии 36-го стрелкового корпуса 5-й армии Юго-Западного фронта был 199 саперный батальон. См. «Перечень №5 стрелковых, горнострелковых, мотострелковых и моторизованных дивизий, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов».

Возникает законный вопрос: почему же такой, мягко говоря, недобросовестный и слабо владеющий исследуемыми вопросами человек стал популярен? Популярность В. Суворова — это популярность незатейливых голливудских мелодрам и боевиков. Он не пытается вести за собой читателя, объяснять простым языком сложные вещи. Владимир Богданович опускается до уровня простых объяснений сложных явлений. Иногда В. Суворов подражает сказке, на страницах его книг мы встретим и «мечи-кладенцы» на новом техническом уровне, чудо-танки и чудо-самолеты.

Мы встретим кашееву смерть, в роли которой выступят нефтепромыслы Плоешти. Наконец, мы встретим кольцо всевластия, которым являются тысяча бомбардировщиков с пятым двигателем. Владимир Богданович вместо реальных персонажей и событий нашей и мировой истории придумал героев странной смеси народной сказки, бестселлера с привокзального лотка и «Эпизода N» «Звездных войн».

Научные и даже публицистические работы в такой технике не пишутся. Традиционная методология исследования предусматривает рассмотрение всех имеющихся данных. Факты, противоречащие теории должны быть разумительно объяснены и интерпретированы. Претензии к Владимиру Богдановичу — это не указание мелких недочетов большого историка, а критика самой методологии построения доказательств, базирующейся на демагогии и передергивании фактов. Нормально аргументированные, пусть и неприятные официальной историографии, теории воспринимаются в научных кругах гораздо спокойнее. Проблема в том, что по популярности научные работы проигрывают творениям мастеров бестселлеров в мягкой обложке именно в силу своей научности и серьезности. И иначе нельзя. Историческая наука, несмотря на отсутствие специфических символов, как математические $\int$ или Σ , является не менее сложной наукой, требующей вдумчивого и серьезного подхода и определенных профессиональных навыков. В этом я убедился по собственному опыту, потратив несколько лет на изучение законов оперативного искусства, методов исторического исследования, документов и книг о той войне. Предлагаемая вниманию читателей книга — это не только полемика с В. Суворовым, это попытка написать своего рода энциклопедию войны, дать базовые знания о принципах ведения боевых действий и применения оружия и боевой техники.

ГЛАВА 1

Конкурс наступательных планов

«...оперативный план войны против Германии в наших Вооруженных Силах существовал и был отработан не только в Генеральном штабе, но и детализирован командующими войскам»

А. М. Василевский

Одна из главных претензий поклонников В. Суворова к его критикам — недостаточное внимание к общим вопросам. Якобы он может ошибаться в деталях километров в час и миллиметров брони, будучи правым в «главном». Поэтому давайте сразу займемся одним из «основных тезисов» Владимира Богдановича. Он утверждает, что у СССР наличествовал только наступательный план «освободительного похода»: *«На прямой вопрос, были ли планы войны у советского командования, Жуков отвечает категорически: да, были. Тогда возникает вопрос: если планы были, почему Красная Армия действовала стихийной массой без всяких планов? На этот вопрос Жуков ответа не дал. А ответ тут сам собой напрашивается. Если советские штабы работали очень интенсивно, разрабатывая планы войны, но это были не оборонительные и не контрнаступательные планы, то какие тогда? Ответ: чисто наступательные»*. Однако за кадром остался вопрос, у кого они были оборонительные. Все планы войны крупных держав — участников двух мировых войн двадцатого столетия были наступательными. Причем наступательный характер не зависел о того, кто явится инициатором войны. Для военного планирования это было абсолютно безразлично, планы вопрос очередности объявления войны не рассматривали. Оборонитель-

ными были только планы мелких стран, основной линией планирования в этом случае была упорная оборона в надежде на то, что могущественные союзники сокрушат напавших на страну-карлик противников. У читателя сразу возникнут два вопроса: «Почему планы наступательные и почему РККА не помогли планы в 1941 г.?»

Для начала давайте оглянемся назад, как планировали войну и ее начальные операции в 1914 году. Многие тактические и стратегические решения войны последующей проистекают из войны предыдущей. Поэтому без понимания событий 1914 г. трудно разобраться в событиях рокового 1939 г. и трагического 1941 г. Начнем с Антанты, про Германию и план Шлиффена читатели, скорее всего, слышали, и я лишь напомним несколько позже его основные моменты. На мой взгляд, ярче всего суть военного планирования Франции и России отражают слова, записанные в протоколе совещания начальников штабов от 13 июля 1912 года: «Оба начальника Генеральных штабов объявляют с обоюдного согласия, что слова «оборонительная война» не могут быть поняты в том смысле, что «война будет вестись оборонительно». Они, наоборот, подтверждают абсолютную необходимость для русской и французской армий начать решительное и, поскольку возможно, одновременное наступление...» (Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов. М., 1922. С. 708). Слова эти повторяются и в протоколе совещания августа 1913 г. и августа 1911 г. в практически неизменном виде.

Итак, Франция вступила в войну с так называемым «планом №17» Жоффра. Он предусматривал наступление германских армий по двум направлениям первое — на восток из района южнее крепости Туль, между лесистыми массивами Вогезов и р. Мозель, второе — на северо-восток

из районов к северу от линии Верден-Мец. План предполагал, что главная масса германских сил будет стремиться во Францию через Люксембург и южную Бельгию. Удар французских войск, соответственно, наносился по левому флангу предполагаемой германской ударной группировки. То есть объяснение наступательной направленности плана вполне очевидно: вместо того, чтобы принимать удар в лоб, наносим свой удар во фланг, вынуждая противника отказаться от наступления под угрозой флангового обхода. Считаю необходимым также сказать несколько слов о французской армии тех лет, очень много интересных параллелей намечается. Основу военной доктрины составлял «элан» (порыв), проще говоря, стратегия и тактика были наступательными. Французский Устав 1913 года начинался с высокопарного заявления: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого другого закона кроме закона наступления». Далее следовали заповеди, составленные из говорящих сами за себя тезисов: «наступление без колебаний», «неистовость и упорство», «сломить волю противника», «безжалостное и неустанное преследование». «Только наступление, — возвещал Устав, — приводит к положительным результатам». В том же духе было настроено высшее руководство страны. Президент республики Фальер заявил в 1913 году: «Только наступление соответствует темпераменту французского солдата. Мы полны решимости выступить против противника без колебаний». Желаящие могут смело искать 10 различий с тем, что наблюдалось у нас перед 1941-м, а мы продолжим наше повествование, обратившись к военным планам России образца 1914 года.

Как и предполагалось на совместных совещаниях начальников Генеральных штабов Франции и России, планы русского командования тоже были наступатель-

ными. Позволю себе дать слово документам. По плану, утвержденному Николаем II 1 мая 1914 г., общей задачей был «переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы» (История военной стратегии России. М.: Кучково поле, 2000. С. 101 со ссылкой на РГВИА, Ф. 2000, Оп. 1 Д. 459, Л. 7). Предполагалось достигнуть целей войны в течение 1,5–2 месяцев. В 1914 г. тоже все было в порядке с «малой кровью, на чужой территории». Говоря о военных планах России, хотелось бы отметить следующее. Наступательный характер действий русской армии объяснялся не только союзническим долгом. Обязательствами перед Францией определялось направление главного удара Германии, так называемый план «Г». Поскольку Восточная Пруссия была крепким орешком, более целесообразным русское высшее военное руководство считало нанесение основного удара по Австро-Венгрии, так называемый план «А», но пассивная стратегия не предусматривалась ни в каком случае. Окончательный вариант плана, принятый под давлением Жоффра, реализовывал стратегию воздействия на немцев с целью заставить их расплыть силы. Предполагалось, что основной удар Германия нанесет по Франции. Если русские войска будут проводить пассивную, оборонительную стратегию, то немцы могут оставить в Восточной Пруссии минимум сил, сосредоточив максимально сильную группировку против Франции. Затем, разгромив Францию, повернутся всеми силами к России. Напротив, если русская армия начинает наступление против Восточной Пруссии, то немцам придется ослабить группировку войск, действующих против Франции, усилив оборону этой области. Более того, (как это реально и случилось) в случае сильного давления русских войск на колыбель прусского духа придется снимать

наступающие во Франции войска, сажать их в поезд и везти на Восток. Эти закономерности, относящиеся к разным театрам военных действий, применимы и для большого по своей протяженности фронта двух воюющих армий. Если мы наступаем на одном участке фронта, то целесообразно проводить активные, наступательные действия и на другом с целью не допустить рокировки противником резервов на выручку своим войскам.

Теперь на очереди планы стран Оси, начнем с Австро-Венгрии. Концептуально, разумеется, ничего нового: план войны наступательный. Но позволю себе процитировать слово в слово написанное по поводу мотивировки наступательных планов Австро-Венгрии генералом русской армии Андреем Медардовичем Зайончковским, учившим будущих красных командиров тяжелому опыту Первой мировой войны. Итак: «Конрад в своих мемуарах пишет, что его руководящей идеей операций против России было наступление, невзирая на риск, так как оборона при первых же столкновениях повлекла бы катастрофу для австро-венгерской армии. 40 дивизий, собранных в Галиции (эшелоны «А» и «С»), не могли оставаться пассивными в то время, когда численно превосходные русские силы теснили бы союзников в Восточной Пруссии и Румынии, а затем после легкой победы над ними обрушились бы всеми силами на Австро-Венгрию. Перейдя Верхнюю Вислу близ впадения в нее р. Сана и сковав австро-венгерские армии в Галиции, русские открыли бы свободный путь на Берлин или Вену. «Прежде всего возможно крупными силами дать генеральное сражение русским войскам, сосредоточенным между р. Вислой и Бугом, при содействии с севера удара на Седлец большею частью собранных в Восточной Пруссии германских сил, — такова была ближайшая цель моего плана», — пишет Конрад (Feltmarschall Conrad, Aus meiner

Dienstzeit, IV, 1923. С. 286)» (Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР. 1938, С. 67–68). Известный советский военный теоретик А. Свечин рисует обстановку даже более прозаически: «Австрийский генеральный штаб с Конрадом во главе рассуждал перед мировой войной так: Россия может выставить против нас на 20-й день мобилизации 35 дивизий, на 30-й день — 60 дивизий; Австрия может на 20-й день располагать четырьмя десятками дивизий. Значит, австрийцы должны наступать: при обороне австрийцы будут раздавлены, при наступлении они могут рассчитывать даже на некоторый численный перевес» (Свечин А. Постигание военного искусства. М.: Русский путь, 2000. С. 370). Побудительные мотивы Австро-Венгерского штаба вполне очевидны. Если начать наступать, то есть шанс перемолоть некоторое количество русских дивизий, пользуясь первоначальным превосходством. Прибывающие по мобилизации русские дивизии уже не будут иметь такого подавляющего преимущества, из 60 дивизий на 30-й день мобилизации будет вычтено некоторое количество перебитых австрийцами при ударе 40 австрийских против 35 русских. Мы видим практически одинаковые побудительные мотивы, по сути вынуждавшие руководителей Генеральных штабов разных стран рисовать на картах стрелочки, направленные на территорию сопредельных государств, с которыми может случиться война. Альтернативы этому нет, или мы отдаем противнику инициативу и он наваливается превосходящими силами на нашего союзника или на выгодный ему участок общего фронта, достигает там успеха, а потом всеми силами обрушивается на нас или другой участок фронта. Армия, выбравшая пассивную стратегию, будет просто разгромлена по частям. Напротив, если планы наступа-

тельные, стратегия активная, то противник не будет спокоен за оборону на тех участках фронта, где он не планирует активных действий. Вместо максимальной концентрации всех возможных сил на направлении главного удара противник будет вынужден ослаблять ударную группировку за счет войск, усиливающих оборону пассивного участка, которому грозит наш удар. Исходя из этих общестратегических соображений в штабах армий, готовящихся к очередной войне, разрабатываются наступательные планы. Последний из рассматриваемых нами планов — это план Германии, базирующийся на идеях Шлиффена. В нашу задачу не входит детальное описание этого плана, отмечу только один важный аспект. Несмотря на общую наступательную направленность, план предусматривал оборонительные действия в Восточной Пруссии с опорой на развитую железнодорожную сеть и легендарные укрепления этой области, ставшие крепким орешком для русской армии в двух мировых войнах. Это важная особенность наступательных планов, о которой ни в коем случае нельзя забывать. Фронт соприкосновения армий большой, и нельзя всюду наступать, неизбежно будут участки, где придется строить оборону. В случае с планом Шлиффена такими участками должны были стать Восточная Пруссия и левый фланг германской армии, опиравшийся на крепость Мец. Какой из этого можно сделать общий вывод? Планирование наступательной операции не исключает возможности построения на определенных участках фронта оборонительных сооружений и занятия прочной обороны, задача которой — сковать возможно больше противника, пока наши ударные крылья делают свое дело.

Чисто оборонительные планы — это удел государств-карликов, чья задача — или продержаться до тех пор, пока могущественный союзник не задавит их противника, или

дорого продать свою жизнь. Примером подобной стратегии могут служить действия Сербии, Бельгии в Первой мировой войне.

Итак, мы постепенно переходим к событиям Второй мировой войны. «Может быть, что-то изменилось?» — спросит читатель. Нет, указанные выше базовые принципы стратегии никуда не делись.

Польский план войны с Германией базировался на тех же самых представлениях о роли и месте обороны в войне, которые заставляли писать наступательные планы 20 годами ранее. Главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы, несмотря на очевидный факт, что Германия сильнее Польши и, возможно, нанесет основной удар не по союзнику Польши Франции, а по самой Польше, заложил в план не только оборонительный элемент, удержание всей территории Польши, но и наступательный элемент, удар по немецкой группировке в Восточной Пруссии. На границе с Восточной Пруссией одна небольшая группировка польской армии (две дивизии, две кавбригады) развертывалась в районе Сувалки, другая, более крупная (армия «Модлин» в составе четырех дивизий и двух кавбригад) — вдоль южной окраины Восточной Пруссии и третья (армия «Поммерлен» — шесть дивизий) — в Польском коридоре. Такое распределение сил указывает на замысел предпринять наступление по сходящимся направлениям против немецких войск в Восточной Пруссии. В некотором смысле польская армия воспроизводила ситуацию 1914 года, когда удар по Восточной Пруссии должен был отвлечь немецкие силы от главного направления польской Западной границы. Реализуемость этого плана оставим за кадром, нас интересует только его характер. Замечу, что изложенные мной факты не являются тайной, все вышеизложенное можно прочи-

тать в открытых источниках. Небольшая цитата: «В основу польского стратегического развертывания в сентябре 1939 года был положен наступательный план, ставивший своей задачей захват Данцига и Восточной Пруссии» (Иссерсон Г. С. Новые формы борьбы. М.: Воениздат, 1940. С. 33–34). Георгий Самойлович анализирует группировку польских войск и делает вывод: «Таким образом, вся польская армия, не считая прикрытия на восточной границе и резерва внутри страны, составила 6–7 отдельных групп и была своей основной частью обращена фронтом на север, против Данцига и Восточной Пруссии. Сильная Познанская группа войск составила как бы стратегический резерв и в мечтах кое-кого из стратегических фантазеров, видимо, должна была победоносно войти в Берлин, от которого ее отделяло расстояние всего в 150 км» (там же, с. 35). Причины поражения Польши скорее не в плане, а в развертывании и мобилизации, но эту тему мы обсудим несколько позже. А пока обратимся к военному планированию Франции и Англии.

31 мая 1939 года французский Генеральный штаб начал разработку плана наступления на фронте между Мозелем и Рейном, который должен был стать основой военных действий против Германии. Этот план был предложен 1 сентября 1939 года генералом Гамеленом правительству. Главный удар по этому плану предполагалось наносить вдоль Рейна на Майнц, отрезая основную германскую группировку с тыла. Однако это предложение не было реализовано. Была лишь предпринята ограниченная операция в районе Саарбрюккена с целью установить контакт с линией Зигфрида. Заняв Варндский лес к западу от города и продвинувшись на 7–8 км между Шпихерном и Хорнбахом, французские войска получили 12 сентября приказ прекратить наступление «ввиду быстрого разви-

тия событий в Польше». Далее началась война, получившая название Sitzkrieg, «сидячая война», известная также как «странная война». Предоставим слово Лиддел Гарту: ««Странная война» — понятие, пушенное в ход американской печатью. Вскоре оно прижилось по обе стороны Атлантики и прочно закрепилось как название периода войны от падения Польши в сентябре 1939 года до начала наступления немецких войск на Западе весной следующего года. Те, кто пустил в ход это понятие, имели в виду, что войны как таковой не было, поскольку между франко-английскими и немецкими войсками не происходило никаких больших сражений. На самом же деле это был период активной закулисной деятельности сторон. [...] В течение осени и зимы, вместо того чтобы сосредоточить внимание на подготовке эффективной обороны от вероятного наступления гитлеровских войск, союзные правительства и верховное командование детально обсуждали наступательные планы против Германии и ее флангов, хотя в действительности они не имели возможности осуществить эти планы своими силами и средствами. После падения Франции немцы захватили документы французского верховного командования и частично опубликовали их. Это был сенсационный материал. Документы свидетельствовали, что в течение зимы союзное командование обдумывало планы самых различных наступательных операций: план удара по Германии через Норвегию, Швецию и Финляндию; план удара по Рурскому бассейну через Бельгию; план удара по Германии через Грецию и Балканы; план удара по нефтеносным районам на Кавказе с целью отрезать Германию от источников снабжения нефтью. Это был конгломерат напрасных воображений союзных лидеров, которые пребывали в мире иллюзий до тех пор, пока их не привело в чувство наступление Гит-

лера» (Лиддел Гарт Б. Г. Вторая мировая война. М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 56).

Тенденция разработки наступательных планов войны затрагивала даже небольшие государства, не обладающие весомой военной силой. Вы будете смеяться, но у Финляндии в 30-е годы тоже был наступательный план, предусматривалось наступление вглубь территории СССР. По этим планам линия Маннергейма отражала удар с юга, а финская армия наступала по всему фронту на восток в Карелию. Когда война уже была на пороге, благоразумие взяло верх и 5, 9 октября 1939 г. войскам дали указание готовиться к обороне, но с оговоркой, что при необходимости нужно будет провести наступательную операцию в районе Реболы, отодвигая границу от самой узкой части Финляндии. Причем написанное мной не является тайной, про это написано в официальной «Истории зимней войны» (Talvisodan historia. Osa. 1. S. 98, 104).

Как мы видим, со времени Первой мировой ничего принципиально не изменилось: как «плохие парни» в лице Германии, так и «хорошие парни» в лице Польши, Франции, Англии и даже Финляндии имели наступательные военные планы. Почему в этом ряду СССР должен был быть исключением? Советский Союз не был карликовым государством, которое могло рассчитывать только на то, чтобы дорого продать свою жизнь или дожидаться, когда большие добрые дяди накостылят обидчику. Соответственно, и военное планирование носило наступательный характер, по крайней мере с 1938 года. Будем рассматривать имеющиеся документы в хронологическом порядке. Итак, что же планировали в 1938 году? Тогда предполагался конфликт с Польшей в союзе с Германией. Описание планируемых боевых действий выглядит так (сохранены орфография и стиль оригинала): «При определении на-

правления нашего главного удара к северу от Полесья нужно учесть, что главные силы германской армии мы встретим, по всей вероятности, в районе Свенцяны — Молодечно — Гродно. Если будет немцами нарушен нейтралитет Латвии, то возможно, что часть германских сил поведет наступление к северу от Двины. Барановичское направление будет занято поляками.

Наступление наше к северу от Двины, при условии участия в конфликте Латвии, или от Полоцка на запад и юго-запад ведет к длительному обходному движению по местности, слабо оборудованной железными дорогами.

Наша атака Барановичей и наступление главными силами в этом направлении поведет к затяжным боям.

Таким образом, наиболее выгодным направлением главного удара будет проведение его по обоим берегам р. Немана с задачей разгрома сосредоточивающихся здесь германо-польских сил с выходом наших главных сил в район Вильно, Гродно, Волковыск. Новогрудок. Молодечно.

Прорыв фронта противника позволит нам или развить операцию ударом по германской группировке на территории Литвы, или же нанести удар по Барановичской группировке поляков. Фланги ударных армий будут прикрыты — одной армией, наступающей от Полоцка, и другой армией, ведущей наступление от Слуцка и Барановичей, а также резервами как фронта, так и Главного командования» (1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 563–564).

Характер действий войск Красной армии южнее Полесья предполагался несколько менее агрессивным: «...Активная оборона с атакой противника в Ровно-Кременецком районе и выходом в район Ровно — Дубно —